

УДК 808.2-06

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-2-69-75

Э.А. Казимова

**Гендерная модель речевого поведения при выражении экспрессии
в русском языке**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; Kazimovaelza@mail.ru*

В статье рассматриваются нестандартные средства выражения экспрессии, определяющие ее гендерную дифференциацию. Гендерный аспект выражения экспрессии позволяет глубже проникнуть в женскую и мужскую картину мира и впоследствии полнее понять реально существующие модели вербального гендерного поведения, а также специфику мужской и женской речевых стратегий и тактик. Исследование основано на дискурсивном анализе живой речи. Синергетический подход, предполагающий привлечение данных смежных наук при описании речевых актов, обеспечивает возможность доказать, что многие синтаксические явления, характерные для письменного языка, практически не встречаются в устном общении. И, напротив, используемые в устном языке дискурсивные явления не всегда совпадают с данными грамматики письменного языка. Существующие лингвистические исследования больше ориентированы на лексику как на основной источник выражения экспрессии. Экспрессивные возможности просодических, фонетических, семантических, синтаксических, текстовых, стилистических, словообразовательных, паралингвистических и других средств и способов представляются недостаточно изученными. Выражение чувственных и оценочных качеств экспрессии с точки зрения гендерного расслоения общества также представляется областью интересной и малоизученной. Изучение специфики вербального выражения экспрессии разными социальными элементами, в частности мужчинами и женщинами, позволит сформировать коммуникативные установки и коммуникативные практики, позволяющие регулировать и оптимизировать коммуникацию.

Ключевые слова: экспрессия, гендерные особенности, дискурс, коммуникация, синергетика.

Экспрессия – это обнаружение индивидуальности говорящего. Отбирая те или иные языковые средства для выражения мысли, субъект речи так или иначе проявляет свои чувства, положительное или отрицательное отношение к тому, о чем говорит. Безусловно, и чувства, и отношения субъективны. Именно в этом и выражается индивидуальность автора выражаемой мысли. В речи экспрессия оказывает соответствующее воздействие на слушающего. Кроме того, средства и способы выражения экспрессии непосредственно влияют на коммуникативное событие. В зависимости от положительной или отрицательной направленности экспрессии формируется коммуникативная ситуация и от этого же непосредственно зависит успешность коммуникации, выражаясь в достижении или недостижении коммуникативной удачи говорящим.

Существует мнение, отождествляющее экспрессию с чувственностью и оценкой. Более того, есть лингвистические исследования, в которых экспрессивность, эмоциональность, оценочность рассматриваются и применяются как синонимичные. Однако некоторые лингвисты видят необходимость разграничивать приведенные понятия. Мы

находим такое разграничение правильным и в своей работе используем соответственно. Экспрессия – это выражение и чувств, и оценки одновременно. «Эмоциональное в языке служит для выражения чувств, а экспрессивное – для усиления выразительности и изобразительности» [1, с. 7]. Основная функция экспрессии заключается в воздействии на адресата речи. Экспрессия служит усилию «воздействующей силы сказанного». [2, с. 158–159].

При выражении говорящим отношения к предмету речи доминируют оценочные качества экспрессии, при желании воздействовать на собеседника доминируют чувственные качества экспрессии.

В каждом языке речь женщины отличается от речи мужчин. Чаще всего мужские и женские варианты речи соответствуют ожиданиям и требованиям общества. Социум ожидает от женщины неконфликтности, уступчивости, эмоциональности, а от мужчин – сохранения независимости, достижения высокого статуса. Подобные требования определяют стратегию выражения экспрессии мужчинами и женщинами, что в свою очередь формирует гендерную модель речевого поведения.

Мужская и женская экспрессия выражается определенной совокупностью специальных языковых средств или их комбинацией, то есть существует речевой механизм вербализации женских и мужских эмоций во внешнюю речь. По мнению Шаховского В.И., под специальными языковыми средствами подразумеваются эмотивные слова и выражения (эмотивы), обладающие эмоциональной значимостью на основе своего семенного состава [3].

Следует отметить, что при изучении гендерных особенностей выражения экспрессии в конкретной речевой ситуации нельзя ограничиваться чисто языковыми данными. Должны быть задействованы многие аспекты гендерных исследований. Например, чёткое обозначение социального статуса мужчины или женщины позволяет объяснить причины их речевого поведения в той или иной ситуации. При определении линии поведения обоих полов также необходимо учесть правила и нормы, которые накладываются обществом и культурой на поведение мужчины и женщины.

Синергетический подход к исследованию позволяет классифицировать фоновые факторы, определяющие гендерные особенности выражения экспрессии: а) факторы социальной природы (социальные роли и статус коммуникантов, отношения между коммуникантами, степень знакомства, сфера общения, социальные отношения собеседников); б) ситуативные факторы (ситуация, конситуация, пресуппозиция); в) психофизические факторы (вероятностный опыт, психическое и физическое состояние коммуникантов, эмоциональное состояние коммуникантов); г) социоэтнические факторы (национально-культурный фактор и культурно-исторический феномен) [4].

Исследование живой речи с учетом перечисленных факторов позволяет выявить нестандартные средства и способы выражения экспрессии в мужском и женском речевом поведении. Так, стиль речевого поведения обоих полов может стать средством или способом выражения экспрессии, тем самым определять механизм коммуникации или коммуникативную стратегию: «Будем расстреливать вас, негодяи! Подонки вы! Бандиты вы! Пошел вон отсюда! Подлец! Скотина такая! Украинский недоумок!» (В. Жириновский. Ток-шоу «60 минут», 11.01.2018).

Экспрессия мужчин, как видим, определяется набором восклицательных предложений, присутствием риторического обращения, нелитературными лексическими элементами. Использование подобных средств рассчитано на воздействие путем оскорбления и привлечение внимания адресата к собственной позиции. Восклицательная интонация дает возможность выразить не только общую эмоциональную окраску высказа-

зываания, но и все оттенки, все детали личного отношения. Особое место в оформлении экспрессии в данном случае занимает не характерный текущей речевой ситуации стиль. Подобное явление больше свойственно мужскому речевому поведению. Такой вывод обусловлен психофизическими особенностями участников коммуникативной ситуации.

Рассмотрим еще пример: «Старики и эта вся чмошная политработная коммунистическая сталинская шваль снова приведут бедную Россию к беде, попомните мои слова. Как на Украине молодым промыли глаза про Бандеру, так и в России промыли мозги – какой хороший Сталин. Мне 49 лет, я даже помню, как Брежнев предал забвению этого поганца-ублюдка Сталина, никто в СССР даже не говорил об этой твари, убийце русского народа – Сталине. Будьте осторожны, я вам честно говорю, что в СССР была говно жизнь. Она, жизнь, улучшилась только еле-еле при Путине» (В. Жириновский. Ток-шоу «Поединок», 16.10.2013).

Оценочная составляющая экспрессии выражена такими словами и словосочетаниями, как *чмошная, политработная шваль, промыли мозги, поганца-ублюдка, твари, убийца, говно жизнь*. Чувственная составляющая экспрессии вербализована сложными синтаксическими конструкциями, эмоционально-усилительными прилагательными, эпитетами. Воздействующая составляющая экспрессии выражена выбором не своего публичным выступлениям стиля.

Манера речевого поведения мужчины или женщины, обусловленная ситуативным фактором, также может выражать и оценку, и чувства, и воздействие, совмещающиеся в экспрессии. Лаконичность, агрессивность, авторитарность, стремление заполучить инициативу, настойчивость и требовательность, характерные больше речи мужчин, могут быть выражены одним словом. В таком случае средством выражения экспрессии является не слово со свойственным ему лексическим значением, а его pragматические составляющие. Например:

«Филипп быстро сошел с парома: последняя машина, только что съехавшая, замешкалась чего-то...

Филипп подошел к шоферу.

– Догони-ка крытую... с горбом, – попросил он, залезая в кабину.

– А чего?.. Зачем?

– Надо.

Шофер посмотрел на Филиппа, ничего больше не спросил, поехали» (Токарева В. Осенью).

Указанный способ выражения экспрессии делает речь мужчин резче, весомее, категоричнее, основательнее.

За мужским речевым поведением наблюдается склонность к использованию оценочных слов, жаргонизмов, просторечий и сленга. Однако в таком случае способом выражения экспрессии выступают не столько языковые средства, сколько их просодическое и фонетическое оформление:

«Подвыпивший кладовщик Михайло Беляков полез под тросами к Шурыгину.

– Колька, ты зачем это?

– *Вон отсюдова, пьяная харя!*

Михайло удивился и попятился от бригадира» (Токарева В. Крепкий мужик).

Интонация и невербальное сопровождение выделенного высказывания более информативны, чем собственно языковые средства.

Если говорить о просодических и фонетических особенностях женской и мужской речи, то следует отметить, что для мужчин характерен замедленный темп речи. Это объясняется меньшей эмоциональностью мужчин. Необходимо подчеркнуть, что за-

медленность речи мужчин, обусловленная паузациями и хезитациями, непосредственно выражает экспрессию, добавляет настойчивость и категоричность. Например:

«Возле меня в минусовом расстоянии стоит деревенская женщина в шали и плюшевой жакетке. На шее у нее, как олимпийский венок, висит гирлянда сушек.

– Мать, – обиженно говорит кто-то за моей спиной, – встала как памятник. Подвинься немножко!

– Куда я подвинусь-то? – огрызается бабка.

– У, деревня… – сердится человек за спиной» (Токарева В. Рубль шестьдесят не деньги).

Выбор частных семантических вариантов категории побуждения также обуславливает выражение экспрессии. Так, выбор речевого акта угрозы уже предполагает выражение экспрессии. Например:

«Зорин отправил плотников ломать дом, вызвал бульдозер. Когда плотники полезли выставлять рамы, из средней комнаты послышался мужской голос:

- Только попробуйте!

Плотники по очереди посмотрели в комнату. Посреди пола, свернув калачом ноги, сидел Козлов и разбирал старый будильник» (Белов В. Воспитание по доктору Споку).

В речевом акте угрозы, как показывает пример, над информативным составляющим преобладает эмоционально-экспрессивное, то есть они более чем другие семантические варианты побуждения выражают экспрессию. Следовательно, именно при выражении угрозы наиболее полно определяется разница в речевом поведении мужчины и женщины.

– Завтра пойдешь и заберешь заяву. Если этого не произойдет...

– Чё ты испугался?.. (говорящий замахивается на адресата).

Экспрессия в данном случае выражена неязыковыми средствами. Непосредственно акт угрозы элиминирован, так как эмоциональное состояние говорящего, межличностные отношения участников диалога, паралингвистическое сопровождение в виде телодвижений, мимики, жестов и другие контекстуальные составляющие позволяют не только выразить экспрессию, но и распознать угрожающий характер высказывания. Подобные явления больше характерны для речи мужчин.

Женщина в современном обществе лишена возможности полной самореализации, она не может утвердиться наравне с мужчиной. Безусловно, подобное социальное неравенство, которое не признано теоретически, но фактически существует, отражается и на речевом поведении. Этим же объясняется и неприоритетное положение данного пола не только в профессиональной деятельности, но и в социально-общественной жизни.

Учет национально-культурного фактора при исследовании речи мужчин и женщин свидетельствует о том, что сказанное больше свойственно представительницам восточной культуры. Например:

«Когда он после выковки стальных пластинок сразу попытался сварить их, она суетливо начала искать повод, чтобы муж отложил работу до завтра.

– Может, хватит на сегодня? – сказала Кумсият.

Он даже не глянул на жену и, чередуя, стал складывать пластинки в стопку.

– К дедушке надо зайти, – жалобно сказала она, надеясь пронять мужа.

– Зачем?

– По хозяйству помочь обещала.

– Успеешь, – сказал он, закрепив щипцы зажимкой и кладя стопку на горн.

– Скоро корова с пастбища вернется.

– *Что-то ты слишком много говоришь! – Он сурохо глянул на жену»* (Магомед-Расул. Отец пророка).

Как видим, доминирующую позицию в коммуникативном событии женщина не может занять в силу заниженного социального статуса. Чтобы добиться коммуникативной удачи, ей приходится тщательнее и осторожнее отбирать языковые средства, быть более гибкой в общении, а именно проявлять уважение и поддержку адресату и с пониманием противоположной позиции осторожно переубеждать собеседника. Из этого следует, что стиль речевого поведения женщины, диктуемый ей культурой, становится способом выражения экспрессии, в которой сочетаются и чувства, и оценка, и степень воздействия.

Р. Лакофф составила список основных черт, присущих женскому речевому стилю: вежливые клише, «пустые» оценочные прилагательные, выражения неопределенности, уклончивости, прямое цитирование (мужчины чаще используют перифраз), более детализированный лексикон, избегание грубого языка и ругательств, косвенные приказы и просьбы [5].

Для женского речевого поведения также характерны эмпатия, сопереживание, соучастие в переживаниях и эмоциях адресата. Выражается это в активном использовании всякого рода интенсификаторов и интонационных нюансов:

«Я их читал без разбора, подряд, какие давала библиотекарша. Она удивлялась и не верила:

– Уже прочитал?

– Прочитал.

– Неправда. Надо, мальчик, до конца читать, если берешь книги. Вот возьми и дочитай.

Что с ней было делать? Брал книжку обратно, терпел дня два и шел опять» (Токарева В. Гоголь и Райка)

Женская речь более мягкая. При выражении экспрессии женщинами используются средства, смягчающие категоричность высказывания: обращения, разделительные вопросы, эмоционально-окрашенная лексика. Например:

«– Хотите чаю? – спросила Семенова и, не дождавшись ответа, закричала: – Машенька, вы не могли бы организовать нам чай?

– Нет, – коротко ответила Машенька» (Токарева В. Между небом и землей).

Женщины прибегают к угрозам в исключительных случаях. Угрожая, женщины меньше, чем мужчины, используют бранную лексику и инвективы. «Женские» угрозы отличаются относительно нейтральной лексикой и стандартизированностью произношения:

«– Но только результат никто не гарантирует. Только результат какой...

– Вы говорите какой-то бред!

– Опять дауна родите, ведь он никому не нужен, ни вам, никому. Вы путаете понятия счастливой жизни с обязательствами.

– Вы знаете даже вот с такими мне не хочется спорить. Но это хамство. Тварь, я тебе сейчас дам за моего ребенка, тварь, поняла? Можешь говорить про меня что угодно, но моих детей не тронь!» (из телепередачи «Прямой эфир»).

Для женского речевого поведения при выражении экспрессии характерно довольно частое использование эмоционально-оценочной лексики, в частности прилагательных, существительных с положительной или отрицательной коннотацией:

«В полдень Гранат прибежал домой. Губы у него были синие, кожа в пупырышках, а мокрые волосы стояли на голове торчком. Увидев все это, баба Дуня запричитала:

- Чу, бес, тьманник, супостат...
- Она хотела добавить «окаянный», но Гранат оборвал ее:
- Не ори! Я есть хочу.

Баба Дуня неожиданно послушалась и побежала за едой» (Токарева В. На каникулах).

Подобного рода языковые средства обозначают пассивные эмоциональные состояния, а не активные эмоции, которые люди испытывают более или менее по собственной воле.

Экспрессии женщин также свойственно употребление длинных синтаксических конструкций, сложноподчиненных предложений с придаточными цели и причины, эллиптических конструкций, разделительных вопросов:

«Где это вы, как это вы? *Прежде всего, воды, воды!*» (Токарева В. День без врача).

Структурной основой выделенного высказывания является существительное в форме родительного падежа, выражающее интенсификацию волеизъявления посредством усечения императива.

Редуцированный императив в данном случае направлен на активное вторжение в эмоционально-волевую сферу адресата. Такому вторжению способствуют его особая динамичность, экспрессивность, лаконичность и выразительность.

Все отмеченное выше свидетельствует о том, что изучение как стандартных, так и нестандартных средств выражения экспрессии представляет значительный интерес в собственно лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах. Немаловажным представляется и то, что рассматриваемая проблема, безусловно, имеет гендерную специфику, связанную с коммуникативно-оценочными намерениями коммуникантов.

Литература

1. *Буасаенг Р.* Язык и речь как основы разграничения фонематической, фонетической и просодической системности текста (на материале произведений И.С. Тургенева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – 155 с.
2. *Вердиева Н.Ф., Казимова Э.А.* Выражение побуждения в русском языке. – Махачкала, 2005.
3. *Галкин-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке. – М., 1993.
4. *Казимова Э.А.* Распределение временных форм при дискурсивном употреблении индикативных конструкций в русском языке в сопоставлении с даргинским // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73).
5. *Казимова Э.А., Шахбанова П.А.* Дискурсивная функция индикативных конструкций в русском языке в сопоставлении с даргинским // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 161–165.
6. *Потапова Н.М.* Прагмалингвистическое моделирование сообщения как способ манипуляции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4.
7. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002.

8. Чайфона А.Г. Современные представления о мужчинах и женщинах в датской лингвокультуре (образы «сильной женщины» и «слабого мужчины») // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2.
9. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008.
10. Lakoff R. Language and Women's Place. – New York: Harper and Row, 1975.
11. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. – New York: William Morrow, 1990.

Поступила в редакцию 15 апреля 2019 г.

UDC 808.2-06

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-2-69-75

Gender model of speech behavior showing expression in the Russian language

E.A. Kazimova

*Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
Kazimovaelza@mail.ru*

The article discusses non-standard means of expression, which determine its gender differentiation. The gender aspect of expression expression allows you to penetrate deeper into the female and male worldviews and subsequently better understand the real models of verbal gender behavior, as well as the specifics of male and female speech strategies and tactics. The study is based on a discursive analysis of live speech. A synergistic approach, involving the use of data from related sciences in the description of speech acts, provides an opportunity to prove that many syntactic phenomena characteristic of a written language are practically not found in oral communication. And, on the contrary, discursive phenomena used in the spoken language do not always coincide with the grammar of the written language. Existing linguistic studies are more focused on vocabulary as the main source of expression. The expressive possibilities of prosodic, phonetic, semantic, syntactic, textual, stylistic, word-building, paralinguistic and other means and methods seem to be insufficiently studied. The expression of sensory and evaluative qualities of expression from the point of view of the gender stratification of society also seems to be an interesting and poorly studied area. Studying the specifics of verbal expression of expression by various social elements, in particular men and women, will allow us to form communicative attitudes and communicative practices that allow us to regulate and optimize communication.

Keywords: *expression, gender, discourse, communication, synergistics.*

Received 15 April, 2019